

КАТЕР БЕЛЫЙ

Несколько эпизодов из жизни Василия Быкова, которому завтра исполняется 70 лет

С тех пор уже десять лет прошло. Господи, как быстро пробегают года и как нудно и медленно тянутся дни.

Десять лет минуло, а сколько уже потерь. Июнь 84-го года. Неужели он был, не придумал ли я его, не приснился он мне? Еще жива вся Беларусь. Еще почти два года до 26 апреля 1986 года — до Чернобыля.

Еще живой Дмитрий Григорьевич Сергиенко, директор рыбхоза «Белое» на Полесье.

Еще живой Петр Савельевич Конопацкий, бригадир колхоза имени XX партсъезда.

Еще есть семь с хвостиком лет до того, как кончится Советский Союз.

Еще почти десять лет даровано жить Александру Михайловичу Адамовичу.

А тогда роскошествовало лето, юное и властное. И все кругом молодые и сильные, быстрые на смех, шутку. Василию Владимировичу Быкову только второй или третий день на седьмой десяток. Судьба его благоговяет на долгие лета, потому что где-то на Кировоградчине похоронен он живым в дни войны. Там на обелиске над братской могилой выбито и его имя.

Алесь Адамович совсем подросток времен своей партизанской юности. Как ушел в четырнадцать в партизаны, так до сегодняшнего дня и продолжает сражаться. Только — вот парадокс нашего советского времени и строя — борется и сегодня с войной: борец-пацифист. Не над этим ли он сейчас смеется?

Сдержанно рад восхищению гостей его хозяйством и Дмитрий Григорьевич Сергиенко, словно ничего его здесь не касается: ни эти ухоженные пруды, в которых жируют карпы, ни красота дубравы, что словно в воздухе повисла над озером Белое.

Итак, июнь 1984-го, Быкову шестьдесят. Празднует страна. Только что отгулоде застолье в Минске. Утро следующего дня. Недели или две назад Василий Владимирович обратился ко мне, чтобы я, как полешук, помог организовать гостям поездку на Полесье. Пользуясь именем Василия Владимировича, в то время сделать это было совсем не трудно. Скорее, почетно — хотя бы таким образом быть приближенным к нему. Надо сказать, что так же отнеслись к той поездке и местные власти. Моя роль была самая скромная и неприметная — уточнить маршрут и место ночлега. Думаю, это мог сделать и сам Быков, только скромность и деликатность, свойственная вообще белорусу, а в нем, как в мастере, человеке совестливом и гордом, возведенная в нечто даже гипертрофированное, не позволила ему обратиться к тем же властям напрямую. Хотя — и это надо отметить сразу — вместе с такой вот скромностью и деликатностью Василию Владимировичу свойственна и величественность, даже некая державность. Когда мы говорим, что Быков — это совесть белорусской литературы, то вот такой, на мой взгляд, эта совесть и должна быть.

Девять утра. Гостилица «Юбилейная» — место сбора. На удивление, после, вчерашнего застолья гости дисциплинированы, как солдаты-новобранцы. Все в сборе. Сергей Павлович Залыгин, Лазарь Ильич Лазарев с женой. Александр Михайлович Адамович тоже с женой. Василь Владимирович с Ириной Михайловной. Все бодрый, подтянутый, как кадровые офицеры. Так оно и на самом деле, почти все они офицеры в прошлом.

Кажется, можно отчаливать, но нет Даниила Гранина. В последнюю минуту он отказался от поездки на Полесье: надо срочно домой, в Ленинград. Шутя решают вдобавок ему послать телеграмму: Гранин, у тебя не все дома. Телеграмму, конечно, не посылают.

Еще одно обстоятельство: в последнюю минуту обнаружили, что у нашего «рафика» спустило колесо. Безалаберный, но привычный реализм жизни. Женщины вроде шутливо, а вообще вполне серьезно набросились на литфондовского водителя:

— Надо же думать, кого везешь — цвет литературы.

Водитель, разбитный цыганский парень, хохотал громко:

машине все равно кого везти и под кем ломаться.

В минуты этой легкой перебранки остался в стороне один только, наверное, Сергей Павлович Залыгин. Он сразу же вытащил из кармана блокнот и стал что-то записывать. Вокруг бурлила гостиничная жизнь. Сергей Павлович время от времени вскидывал глаза на тех, кто проходил мимо него, не пропуская жизни и одновременно отрешенный от нее, писал. Они на минуту не разлучались с ручкой и блокнотом и на Полесье. Кажется, был только один момент за все время поездки, когда он надолго упрятал свой блокнот и ручку в карман. В родной мне по детству деревне Вильча признался женщинам, что давно не брал на зуб деревенского сала. И сало возникло перед ним как из-под земли. Оно все время, конечно, было и на столе, но что-то не по вкусу Сергею Павловичу было в нем, нарезанном по-городскому, хотелось ему, чтобы обязательно целым куском. И кусок сала под килограмм принесла ему Мария Герасимовна Конопацкая, моя бывшая учительница из Вильчанской школы. Вот тогда и спрятал в карман блокнот и ручку Сергей Павлович. Сел на высокое крыльцо и поноухал то сало с тмином, взял в руки нож, краюху хлеба и начал есть. Просто-валосый, седой, под июньским ласковым ветерком в городском костюме, сидел он на крыльце деревенской хаты, ел деревенское сало. На полный рот и с таким смаком, с такой деревенской ловкостью ел, как едят козари. Но это я уж крепко забежал вперед. До деревенского сала нам еще 250 километров.

На границе Брестчины и Гомельщины, обозначенной серцеподобной глыбой гранита, нас уже ждали. Ждали, само собой, Быкова. И, кажется, жаждались. Встречальники сидели под глыбой гранита с растеленными перед ними рушниками, выставленным на них хлебом-солью.

Встречали Быкова по тому времени, по заведению того времени. Немного книжно-торжественно. И был в этом явный перебор. Иван Федорович Карпович, редактор районной газеты, тоже бывлой фронтовик, человек, безмерно любящий Быкова, хотел как лучше: чтобы были и музыки, и те же ручник с хлебом-солью, речи. Но он не знал Быкова, не ведал, что тот полагал не олно такое торжество. И тут к месту будет такой случай...

В Минском дворце профсоюзов собрался как-то тоже цвет тогда советской литературы. Разговор шел о писателях, основателях военной темы в нашей литературе. В почетном президиуме сидел сам Петр Миронович Машеров с Золотой Звездой Героя Советского Союза. Наступает очередь сказать слово и Василию Владимировичу. По тому уже, как идет он к трибуне, чувствуется, что слово это будет не совсем обычным. Так идут, наверное, солдаты под пули. Машеров настораживается и как бы весь подается навстречу выступающему. Быков занимает трибуну, как солдат окопчик. Звучит, кажется, уже слышанное в этом зале. И вдруг первое имя основателя военной прозы — Виктор Некрасов. Машеров поднимается и покидает президиум. Быков продолжает свою речь под дробный перестук каблучков первого секретаря.

Вот и здесь на границе Брестчины и Гомельщины вышло что-то подобное, только наобо-

рот. На какое-то мгновение создается впечатление, что Быкову очень хочется убежать, избегнуть торжественности. Он пытается затеряться в середине писательской толпы. Адамович выдвигает его на передний план, говоря нечто вроде того, что ты, мол, заварил эту кашу, ты и расхлебывай ее, ты юбиляр — ты и страдалец, такая уж твоя доля.

Простите мне, Василь Владимирович, на сегодняшний день не такое уж и горькое было то страдание. Простите меня и тех людей, если они вас обидели. Они встречали всемирно известного писателя, литературу встречали в вашем лице. Сегодня ее так встречать уже, наверное, не будет...

Хотя и вас я хорошо понимаю. Писатель, прозаик такого таланта и такой высоты, как вы, — всегда чернорабочий, даже за праздничным столом. И потому за тем юбилейным столом вашим не было громких речей, не сказал никакого слова вам и я тогда, когда вы были на десять лет моложе. Я говорю их вам сегодня: живите, будьте. То же вам хотели сказать, как могли, и все другие люди, которых вы встретили в той поездке.

Например, директор рыбхоза «Белое» Дмитрий Григорьевич. Он, подобно вам, был самым молчаливым на вашей вечеринке. Он погибнет через пять лет от нашей бесхозяйственности и расхлябанности в автообильной катастрофе. Может, он тогда уже предчувствовал ее, потому так внимательно смотрел и слушал вас.

От переживания и боли за колхоз через три или четыре года скончается бывший кулацкий сын, колхозный бригадир Петр Савельевич Конопацкий. Помните, в моей Вильче он подбежал к вам в белом-беленьком картузике, с кожаной офицерской планшеткой через плечо, стыдливо прикрывая рукой рот с изреженными зубами. Вот она, деревенская, крестьянская искренность и неподдельность. Вот что вы для обычного человека, Василь Владимирович, значите. Он попросил у вас вашу фотографию, фотоаппарат с полписью Быкова. Фотография живет у его детей, а его самого уже нет. И много кого и чего уже нет...

...Два белых катера скользят по Припяти, по лету. И вода та уже уткнула в Лету, отбежала, отбыла свое. Сегодня Припять — главная атомная река Европы. Но в тот день до Чернобыля еще два года. Только что схлынуло половодье. И Припять похожа на рожицу, молодую мать, что счастливо разрешилась ребенком. У берегов, в согретой солнцем воде играют ее дети — мальчик лещей, шук, язей, окуней, плотвы. Среди них еще нет хищников. И солнце согревает одинаково всех. По коричневато-припятской воде среди полесских болот бегут два белых катера до Княже-Турова. На первом из катеров на особицу от всех, ближе к носу катера, к штурвалу сидит Василь Владимирович Быков. Он едет в древний Твор совсем не на прогулку, а чтобы породниться с ним. Там, где-то упрятанная в зелени летних садов, стоит больничка. Страшная, совсем не княжеская, современная больница. Больница — боль людская.

Боль и его, Василия Владимировича Быкова, витебская, полесская, белорусская наша боль в больной стране, среди больных людей. Через некое время полешуки, туровцы изберут Быкова депутатом Верховного Совета. И с той болью Быков выйдет глаз на глаз. Наказ избирателей своему депутату: построить в Турове пристойную больничу. И уже не на белом катере будет он въезжать в древний деревянный Княже-Туров. Придется ехать и на замороженном автобусике, но больница будет построена.

Но это еще впереди. Много чего впереди и тогда и сейчас. А пока что Василь Владимирович Быков на белом катере по чистой еще воде матери-Припяти едет в древний Княже-Туров. Рядом с ним молодой еще Алесь Адамович. Смеются, шутят.

Остановись, мгновенье...